

Н. Н. Назаренко, А. В. Башкин

Естественное движение населения в Крыму в период голода 1932–1933 гг.

В современной российской историографии голод 1932–1933 гг. рассматривается как общая трагедия всех народов СССР, произошедшая в первую очередь в ведущих зернопроизводящих регионах¹. Однако проблема голода 1930-х гг. в Крыму занимает несколько обособленное место.

Одними из первых отрицательный прирост населения в Крымской АССР в числе 14 таких регионов РСФСР отмечают Е. М. Андреев с соавторами². В дальнейшем в российской историографии в качестве пострадавшего региона Крым, как правило, отдельно не упоминается. Например, в детальнейшем историографическом обзоре проблемы, выполненном В. В. Кондрашиным³, мы упоминания Крыма не нашли. Также в одном из последних фундаментальных сборников документов по голоду 1932–1933 гг. практически не приводятся документы по Крыму, хотя имеются материалы, характеризующие ситуацию в регионах РСФСР, Белоруссии, Украине, Казахстане, Закавказье и Средней Азии⁴. Крым зачастую упоминается вскользь без каких-либо детальных оценок, в том числе указания прямых и демографических потерь. Это связано, вероятно, с тем, что Крым находился в составе объявившей независимость Украины и условно в научной сфере украинских историков.

В российских научных публикациях данные о рождаемости и смертности в Крыму базируются на отчетах Центрального управления народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) СССР. Так, Е. А. Осокина приводит отчетные и доисчисленные ЦУНХУ СССР данные естественного прироста

Назаренко

Назар Николаевич
д-р биол. наук, проф.,
Южно-Уральский
государственный
гуманитарно-
педагогический
университет;
Южно-Уральский
государственный
медицинский
университет
(Челябинск, Россия)

Башкин

Анатолий Викторович
координатор, проект
«Исторические
материалы»
(Москва, Россия)

населения в 1933 г., для Крымской АССР по городскому населению это — 6,5 тыс. чел. и по сельскому 5,2 (досчитанные — 6,6) тыс. чел. с общим приростом — 1,3 (с учетом досчитанных — 0,1) тыс. человек⁵. По масштабам убыли городского населения (1,7 % среднегодовой численности) Крым назван в числе лидеров наряду с наиболее пострадавшими Нижней и Средней Волгой, Северным Кавказом и Черноземным Центром (так у автора)⁶.

В монографии «Население России в XX веке» для 1932–1933 гг. указывается повышение смертности в результате «голодомора»⁷, который, по мнению авторов, затронул и Крымскую АССР⁸. При этом никаких количественных оценок смертности от голода по Крыму не приводится.

В. Б. Жиромская также отдельно Крым как регион голода не рассматривает. В приложении к статье в числе прочих регионов РСФСР опубликована рождаемость и смертность в Крымской АССР (по данным еще одного варианта отчета ЦУНХУ СССР), которая составила за 1932 г. 8765, родившихся в городах, и 10 723 — в сельской местности, умерших — 8693 и 4171 соответственно, а за 1933 г. соответственно 6772 и 9732 и 13 281 и 4549⁹.

Р. Дэвис и С. Уиткрофт отдельно Крым как регион голода не указывают, хотя приводят в таблице сверхсмертность по неким «другим регионам»¹⁰. Сама территория Крымской АССР ими рассматривается в рамках так называемого Южного производящего региона (вместе с Украиной, Северным Кавказом и Дагестаном)¹¹, но никаких оценок потерь от голода для Крымской АССР не приводится. Публикуются только по данным еще одного варианта отчета ЦУНХУ СССР величины рождаемости и смертности и рассчитанные коэффициенты рождаемости и смертности на тысячу чел. (в скобках): за 1932 г. — 19 488 (23,0) родившихся и 12 864 (15,2) умерших; за 1933 г. соответственно 16 504 (18,8) и 17 830 (20,3)¹². Величины такие же, как и приведенные выше в приложении к статье В. Б. Жиромской.

Украинские историки также на Крыме внимание не акцентировали, рассматривая в первую очередь ситуацию в украинских областях, входивших в 1932–1933 гг. в состав УССР. Крымская же АССР в это период находилась в составе РСФСР, да и, видимо, ситуация в многонациональном Крыму с точки зрения украинской исторической парадигмы не вписывалась в «голодомор — геноцид». При этом попытки оценки жертв голода в Крыму были ими предприняты. Так американо-украинская группа демографов и историков выделяет Крым (Crimea) как отдельный «субрегион» РСФСР¹³, который отнесен к четвертой группе регионов по «потерям» от голода в период 1932–1934 гг. 26,0 на тысячу человек¹⁴. Такая оценка вызывает вопросы. В частности, почему для Крыма рассчитываются прямые потери (умершие) от голода в 1934 г.? Почему не обсуждается точность миграционной статистики — или она по умолчанию считается точной? Почему для расчета «нормальной» смертности использована линейная экстраполяция возрастных коэффициентов смертности между 1931 и 1935 гг.¹⁵ и насколько линейная модель корректна для Крыма? Наконец, судя по всему, общее число «избыточно» умерших за 1932–1934 гг. суммируется и делится на некую «среднегодовую» численность населения за 1933 г.¹⁶ В демографии же обычно число умерших за год относится к численности насе-

ления этого же года. В данном случае сумма за три года относится к годовой, в результате смертность искусственно завышается. И это завышение хорошо видно, если сравнить полученные американо-украинской группой «потери» с величиной смертности за 1933 г. (резкий пик смертности от голода), рассчитанной Р. Дэвисом и С. Уиткрофтом и приведенной нами выше.

Таким образом, в российской историографии либо Крым при рассмотрении проблемы голода 1932–1933 гг. не упоминается, либо даются только общие оценки по республике в целом на основе обобщенных отчетных данных ЦУНХУ СССР. Оценки же украинских исследователей вызывают вопросы и сомнения в их адекватности. При этом региональные особенности рождаемости и смертности, а также демографические показатели городского и сельского населения в Крыму остаются не проясненными. В связи с этим задачей данной работы является оценка региональных особенностей естественного движения населения (рождаемость, смертность естественный прирост) в Крыму в период 1932–1933 гг.

В современной историографии ведущими проблемами при оценке демографии голода считаются отсутствие точной сводной статистики и неполнота данных из-за неполного охвата населения и неполноты текущего учета¹⁷. С. Уиткрофт, детально изучив архивные документы, показал, что данных как раз очень много, выделив несколько групп оценок за разные годы¹⁸. В первую очередь это объясняется наличием конъюнктурной отчетности (по материалам помесечных отчетов), уточняющих конъюнктурные данные годовых разработок, а также последующими пересчетами данных годовых разработок при изменении административно-территориального устройства и оценке численности населения в связи с переписями 1937 и 1939 гг.

Для Крыма также существует несколько групп отчетных данных. Так, за 1933 г. в архивах есть данные, рассчитанные и доисчисленные по ежемесячно присылаемым отчетам загсов¹⁹, данные районных годовых разработок²⁰ и их суммарные итоги²¹, помесечные данные рождений и смертей по годовым разработкам²² и исчисленные с поправкой на недоучет при пересчете в связи с административно-территориальным переустройством РСФСР 1935 г.²³, наконец, данные динамического ряда в связи с оценкой численности населения по переписи 1939 г.²⁴ Несмотря на такое большое количество документальных источников, в большинстве из них число рожденных и умерших совпадает и соответствует приведенным нами выше опубликованным В. Б. Жиромской и Р. Дэвисом и С. Уиткрофтам величинам.

Однако в случае использования как конъюнктурных данных, так и сводной отчетности остается проблема полноты охвата и точности данных. Мы придерживаемся точки зрения С. Уиткрофта, что данные по регистрации населения являются правдоподобными, проблемы учета были гораздо менее существенными, чем принято считать, и нескорректированные данные смертности и рождаемости можно использовать в исследованиях²⁵. Нами были рассмотрены отчеты Крымского республиканского УНХУ по форме А²⁶ и по форме 1-а²⁷, содержащие годовые разработки районных УНХУ, в том числе и данные о загсах и обслуживаемом загсами населении Крыма в 1933 г. Документы представляют

собой отпечатанные типографским способом табличные бланки, в которые от руки вписаны демографические показатели по городам и сельской местности Крымской АССР, рассчитанные специалистами Крымского УНХУ на основе конъюнктурных отчетов районных статистических управлений и загсов и досчитанные при годовой их разработке. Документы пересланы в адрес ЦУНХУ СССР в сентябре 1934 г. и содержат комментарии статистиков по конъюнктуре и годовому итогу естественного движения населения.

В 1933 г. загсы функционировали при местных городских и сельских советах, в связи с чем оценку полноты охвата можно дать сопоставлением числа советов и числа загсов. Неполнота учета оценивалась работникам УНХУ по величине загсо-месяцев (общее число загсов, приславших отчеты в течение месяца и всего за год) и по охвату обслуживаемого приславшими отчеты загсами населения. Доля неохваченного загсами населения и не приславших отчеты загсов и даст величину неполноты учета.

По официальным данным, в Крыму на 1 января 1933 г. было 12 городских поселений (четыре из них прямого республиканского подчинения)²⁸, которые обслуживали 18 загсов²⁹. По конъюнктурным данным не было прислано по одному отчету за июнь, июль, сентябрь, октябрь, два отчета в ноябре и три — в декабре, в целом же в отчете досчитаны данные только по двум загсам³⁰. Согласно порайонным годовым разработкам, число загсо-месяцев составило 216, что соответствует 18 загсам, при 100%-ном охвате обслуживаемого населения³¹. Таким образом, по городскому населению никакой неполноты охвата и текущего учета населения в Крыму в 1933 г. не было. Это подтверждается оценками на 1935 г.³² Согласно порайонным годовым разработкам, рождаемость и смертность дана по 18 городским поселениям Крыма (табл. 1).

В работах по голоду 1932–1933 гг. в первую очередь внимание уделяется трагедии сельского населения, а городское либо не рассматривается, либо только отмечается отрицательный прирост населения в городах (исключение представляет вышеуказанная работа Е. А. Осокиной, где падению прироста населения в городах в 1933 г. уделено внимание³³). Для Крыма видно, что в 1933 г. демографическая катастрофа случилась именно в городах, особенно приморских, как Ялта (наивысшая смертность и падение естественного прироста), Феодосия, Евпатория и Керчь. Также сильно пострадал республиканский центр Симферополь, где наряду с высокой смертностью наблюдалась самая низкая рождаемость. Смертность в этих городах Крыма сопоставима со смертностью в некоторых городах Нижнего Поволжья, одного из наиболее пострадавших в 1933 году регионов РСФСР, хотя общая городская смертность ниже, чем нижевожская городская³⁴. Трагедия городов видна и по катастрофическому отрицательному приросту, сопоставимому с практически полным исчезновением Алупки и Гурзуфа (6600 зарегистрированного населения на 1933 г.). В связи с такой ситуацией становятся объяснимыми действия властей по обеспечению продовольствием городов.

Однако в крымских городах наблюдается разная ситуация. Меньше пострадало население второго по величине Севастополя, что, скорее всего, связано с обеспечением дислоцированного в районе города флота (это под-

Таблица 1

Естественное движение городского населения Крыма в 1933 г.

Город	Родилось		Умерло		Прирост	
	всего	на 1000 чел.	всего	на 1000 чел.	всего	на 1000 чел.
Симферополь	1340	13,5	3651	36,7	-2311	-23,2
Севастополь	1455	18,6	2312	29,5	-857	-11,0
Керчь	1405	19,2	2703	37,0	-1298	-17,8
Феодосия	480	17,0	1041	36,8	-561	-19,9
Алушта	76	14,5	84	16,0	-8	-1,5
Балаклава	91	28,4	51	15,9	40	12,5
Бахчисарай	176	19,2	218	23,8	-42	-4,6
Джанкой	215	22,1	206	21,1	9	0,9
Евпатория	528	18,9	1037	37,2	-509	-18,2
Саки	74	20,6	89	24,7	15	-4,2
Армянск	135	67,5	90	45,0	45	22,5
Карасубазар*	132	16,3	149	18,4	-17	-2,1
Судак	58	26,4	48	21,8	10	4,5
Старый Крым	88	21,0	75	17,9	13	3,1
Ялта	357	14,2	1365	54,4	-1008	-40,2
Алушка	46	14,4	59	18,4	-13	-4,1
Гурзуф	80	23,5	76	22,4	4	1,2
Симеиз	36	16,4	27	12,3	9	4,1
Всего	6772	17,4	13 281	34,2	-6509	-16,8
Неместные (неизвестные)	246 (...)**	...	4105 (3972)**

* Ныне – Белогорск.

** Числа, плохо читаемые в копии документа.

Рассчитано и составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 18. Л. 99–99 об.

тверждает положительный прирост соседней с Севастополем Балаклавой). Положительный прирост в Джанкое, вероятно, связан с обеспечением железнодорожников этого железнодорожного узла Крыма. Меньше пострадало население малых крымских городов (например, в соседних с Ялтой городах Гурзуфе и Симеизе был небольшой положительный естественный прирост),

которое спасалось, скорее всего, за счет личных хозяйств и местных биоресурсов. По-видимому, ситуация в городах определялась в первую очередь действиями местных властей, что указывает на отсутствие какой-либо единой политики социоцида голодом.

Изучение порайонных отчетных данных позволило детально рассмотреть еще одну важную проблему, связанную с голодом 1932–1933 гг., — учет неместного населения. В большинстве публикаций, особенно украинских авторов, очень часто акцентируется внимание на колоссальном недоучете умерших из числа неместного населения, которым часто аргументируются собственные высокие оценки смертности (якобы учли «сокрытые» смерти). В рассмотренной же форме 1-а «Общие итоги естественного движения населения» в столбцах 13, 20 и 24 учтены родившиеся, умершие и умершие до одного года жители, не являющиеся постоянно проживающими в данной местности³⁵. К сожалению, качество копии документа не позволяет привести эти цифры по городам, однако общее число таких неместных умерших в крымских городах составило более 4 тыс. чел. (табл. 1)³⁶. Таким образом, родившиеся и умершие неместные учитывались загсами на местах, попадали в итоговую статистику по районам и дошли до краевого УНХУ. В этой связи рассуждения С. Уиткрофта о том, что с начала 1933 г. были указания вести учет рождаемости и смертности только местных жителей и не учитывать лиц из числа неместного населения, чтобы скрыть скачок смертности³⁷, не подтверждаются. Проблема в том, что в итоговую статистику ЦУНХУ попали данные только по рожденным и умершим местным, что вызывает вопросы к специалистам ЦУНХУ в Москве.

Сопоставление числа умерших местных и неместных также подтверждает демографическую катастрофу в крымских городах (табл. 1) — число неместных умерших составляет около трети умерших местных жителей. В связи с этим становится понятно исключение их из итоговых данных — такое количество неместных вносит критическое искажение в динамический ряд естественного движения населения. Но проблема не в том, что их исключили из итоговых данных, — а в том, что пока нет данных, что неместные родившиеся и умершие были учтены в общем балансе населения РСФСР.

Также видно, что с регистрацией крымских приезжих городские загсы справлялись, поскольку число родившихся и умерших (около 130 чел.) без местной городской прописки невелико. Данные о таких родившихся и умерших, судя по всему, передавались на места и учитывались по месту постоянного проживания (этим также и объясняется разница между конъюнктурными данными и годовыми разработками). Подавляющее большинство умерших — неизвестные, такое большое количество которых (в том числе и по отношению к умершим местным) однозначно указывает на очень высокую мобильность населения в 1933 г. Поскольку в крымских селах рождение и смерть мигрантов не отмечены, а смертность на селе даже в районах с городскими центрами не была высокой (табл. 2), это исключает голод как причину массовых миграций местного населения в города. Поскольку Крым географически граничит с УССР, вероятнее всего, неизвестные умершие — мигранты из соседней УССР. Косвенно на это указывает артефактно большая рождаемость и смертность на

тысячу человек в приграничном с Украиной Армянске. Возможно, часть родившихся и умерших приезжих из УССР там были учтены как местные, но в обслуживаемое загсом население не попали. Такое большое число умерших неместных указывает и на то, что описываемые в работах по голоду 1932–1933 гг. запреты на выезд населения преувеличены, а миграционная активность населения в 1933 г. была очень высокой.

На 1 января 1933 г. в Крыму было 447 сельских советов³⁸, которые обслуживали 436 загсов³⁹. Какого-либо значительного неполного охвата сельского населения системой учета не наблюдается, а разница между числом загсов и сельсоветов, вероятнее всего, связана с тем, что один загс обслуживал несколько соседних советов. Однако конъюнктурная отчетность по селам была провальной, поскольку ежемесячно от четверти до половины загсов не присылали отчеты. На конец года недоучет по конъюнктурным отчетам составлял около 36%⁴⁰. В порайонных годовых разработках общее число загсо-месяцев по сельским загсам в документе (даже исходя из разницы общего числа и городских отчетов) рассчитано неправильно⁴¹. Наш расчет (5196) соответствует 433 загсам. Несоответствие числа загсов объяснено в конъюнктурном отчете, где указано 432 сельских загса, а четыре загса по Симферополю как сельские не учтены⁴². Таким образом, неполноты охвата не отмечается. По нашим расчетам, сельскими загсами не было прислано 25% отчетов (по обслуживаемому населению недоучет составил 23%). Эта величина подтверждается расчетами статистиков на 1935 г., указавших 78,27% учета сельского населения Крыма⁴³. Недоучет сельского населения отмечен почти по всему Крыму, наибольшие проблемы были в Алуштинском (недоучет 39%), Бахчисарайском (57%), Джанкойском (38%), Карасубазарском (41%) и Ялтинском (41%) районах.

Согласно порайонным годовым разработкам, рождаемость и смертность по селам Крыма дана по 16 районам и сельской местности трех горсоветов (табл. 2).

В украинской историографии голод 1932–1933 гг. определяется как «геноцид украинской нации», однако в последних публикациях украинские авторы указывают, что национальность может быть ключевым фактором и для РСФСР⁴⁴. Анализ величин смертности по национальным районам Крыма не показывает никакого украинского или какого-либо иного национального «геноцида голодом» в Крыму. Смертность в украинском национальном Ишуньском районе была одинаковой со смертностью в еврейском национальном Фрайдорфском районе и меньше смертности в некоторых русских национальных районах Крыма. Также нет социальной компоненты голода («крестьяноцид») — сельское население Крыма характеризуется достаточно высоким естественным приростом. Самый низкий прирост был в Ялтинском районе и пригородной сельской местности Керчи и Симферополя, где в наибольшей степени пострадало городское население. В целом села Крыма перенесли 1933 г. без демографической катастрофы, сопровождающейся резким падением естественного прироста населения.

Однако анализ суммарных показателей рождаемости и смертности по селам Крыма выявил серьезную проблему точности сводных данных.

Таблица 2
Естественное движение сельского населения Кумыа в 1933 г.

Район*	Родилось			Умерло			Прирост		
	отчет	досчитано	на 1000 чел.	отчет	досчитано	на 1000 чел.	отчет	досчитано	на 1000 чел.
Сельсоветы г. Севастополя	173	—	29,1	115	—	19,3	58	—	9,7
Сельсоветы г. Керчи	501	558	30,0	462	515	27,7	39	43	2,3
Сельсоветы г. Феодосии	166	—	31,9	92	—	17,7	74	—	14,2
Ак-Мечетский (русский)	509	—	29,3	187	—	10,7	322	—	18,5
Алуштинский	284	465	30,2	147	241	15,6	137	224	14,6
Балаклавский	358	381	27,1	205	218	15,5	153	163	11,6
Бахчисарайский	473	1099	22,5	224	521	10,7	249	579	11,9
Биюк-Онларский (немецкий)	1034	1376	36,8	376	500	13,4	658	876	23,4
Джанкойский (русский)	713	1156	41,0	279	452	16,0	434	703	24,9
Евпаторийский (русский)	401	524	31,6	197	257	15,5	204	267	16,1
Ишуньский (украинский)	624	686	32,0	241	265	12,4	383	421	19,6
Карасубазарский	386	657	26,4	118	201	8,1	268	456	18,4
Ленинский (русский)	728	813	30,6	237	265	10,0	491	549	20,7
Сейтлерский (русский)	717	928	33,8	297	385	14,0	420	544	19,8
Симферопольский (русский)	938	—	24,5	603	—	15,7	—	335	8,7
Сулакский	368	491	34,1	149	199	13,8	219	292	20,3
Старо-Крымский (русский)	652	789	33,4	232	281	11,9	420	508	21,5
Фрайдорфский (еврейский)	531	623	29,2	226	265	12,4	305	358	16,8
Ялтинский	176	259	27,1	162	238	24,9	14	21	2,2
Всего	9732	12 648	30,5	4549	5912	14,2	5183	6736	16,2

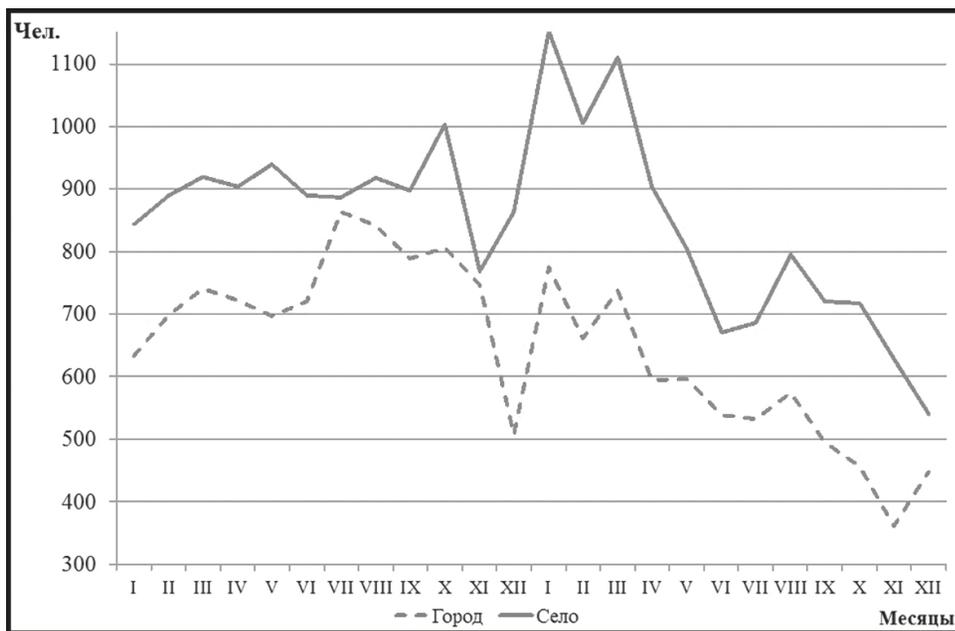
* В скобках указан национальный район.
Рассчитано и составлено по: РГАЭ, Ф. 1562. Оп. 329. Д. 18. Л. 99–99 об.; Административно-территориальное деление Союза ССР...
 С. 128.

С поправкой на недоучет в селах Крыма родилось 12,6 тыс., а умерло — около 6 тыс. чел. (табл. 2), и эти цифры в целом совпадают с расчетами ЦУНХУ на 1935 г.⁴⁵ Сравнение же порайонных данных с итоговыми величинами показало, что в итоговые отчеты попало только учтенное число родившихся и умерших (9732 и 4549 чел. соответственно)⁴⁶. Таким образом, в итоговых отчетах, как правило, указаны цифры без поправки на недоучет. С. Уиткрофт описывает ведомственный конфликт между специалистами Госплана и ЦУНХУ, когда занижаются или завышаются статистическими органами темпы прироста населения⁴⁷. В данном случае имело место занижение темпов роста сельского населения Крыма, поскольку его естественный прирост составил не 5,2, а 6,7 тыс. чел.

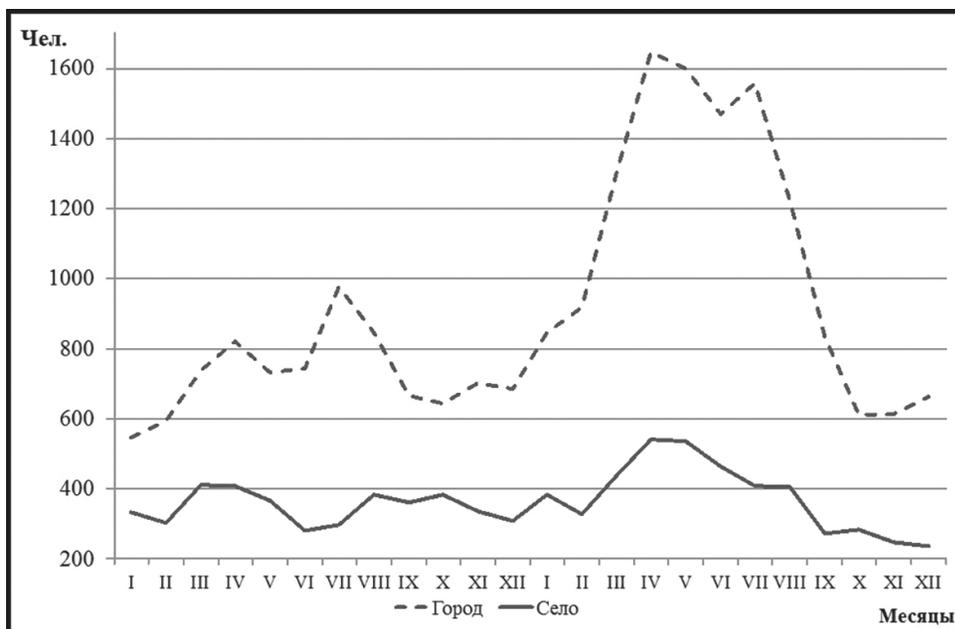
К сожалению, в копии документа величины, зарегистрированной в сельских загсах рождаемости и смертности неместного населения, не читаемы. Однако всего в Крыму было зарегистрировано 345 рождений и 4214 смертей неместного населения⁴⁸. То есть в сравнении с городами приезжих в крымских селах было очень немного и существенно они на демографические показатели сел не повлияли. Основная масса мигрантов ехала в крымские города, зачастую обрекая себя на смерть, в то время как в крымских селах выжить в период голода в 1933 г. было гораздо легче.

Рождаемость и смертность в крымских городах и селах в период голода 1932–1933 гг. показывает удивительную синхронность (рис. 1).

И в городах, и в селах Крыма с началом 1932 г. рождаемость постепенно растет. С разницей в том, что в селах это рост небольшой и к марту 1932 г. он выходит на стабильные среднемесячные рождения 900 чел., а в городах рост более резкий с колебаниями числа родившихся. Но с конца года начинается падение рождаемости, особенно резкое в городах с выходом на минимальные величины около 800 чел. в селах и 500 — в городах. Это сезонная динамика рождаемости сельского населения при хозяйстве неиндустриального типа, характерная и для крымских городов (с более низкой, чем на селе, рождаемостью). В начале 1933 г. до марта включительно и в городах, и в селах отмечается резкий пик рождаемости, обеспеченный зачатиями весны предыдущего года (также характерный для сезонной динамики неиндустриального типа), который частично скомпенсировал потери от смертности, особенно в городах, после чего рождаемость резко упала в связи с кризисом 1933 г. Кризис хорошо виден по динамике смертности, особенно в городах. Но если в 1932 г. смертность практически не росла, колеблясь на селе у средней величины около 350 чел. в месяц, то в городах хорошо видны сезонные пики апреля и июля, скорее всего, связанные с сезонными эпидемиями, и небольшой рост смертности. В начале же 1933 г. в городах отчетливо виден резкий «голодный» пик смертности с максимумом в апреле, продолжавшийся до июля, после чего смертность резко упала до показателей начала 1932 г. Если рассматривать тренд смертности, то превышение числа умерших в городах за период пика составило порядка 4 тыс. чел. На селе же этот «голодный» пик небольшой, длящийся в течение апреля — мая 1933 г. с общим превышением смертности порядка 400 чел., который с поправкой на недоучет на селе составит 500–600 чел. После весеннего пика смертность на селе упала до уровня ниже начала 1932 г.

а

б

Рис. 1. Динамика рождаемости (а) и смертности (б) в Крымской АССР в 1932–1933 гг. Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 41. Л. 39; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 16. Л. 82, 87.

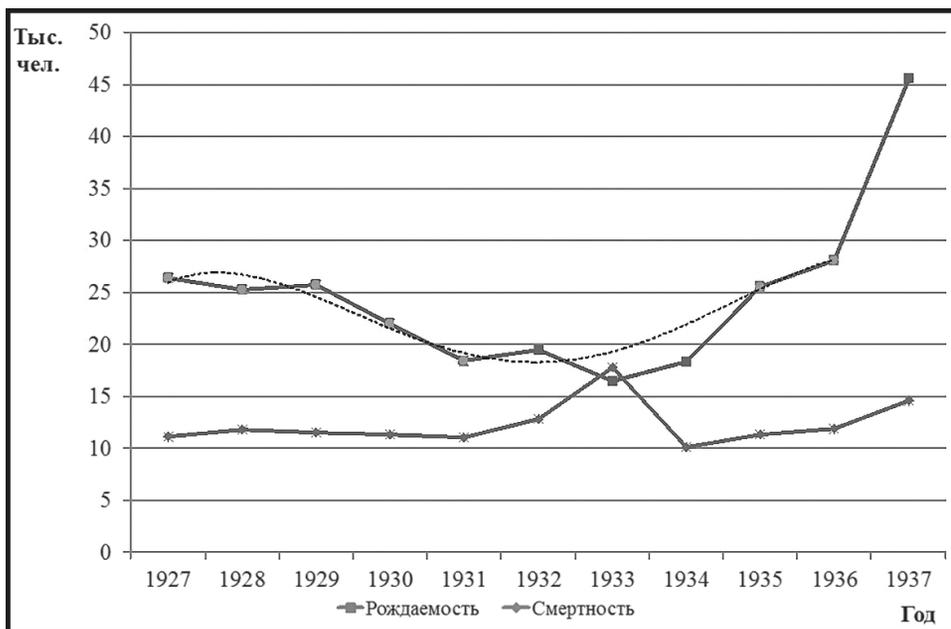

Рис. 2. Динамика рождаемости и смертности в Крымской АССР в 1927–1937 гг. (пунктирной линией показана модель тренда рождаемости)
Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 256. Л. 15–26.

Еще одну оценку прямых и демографических потерь в период 1932–1933 гг. можно выполнить исходя из динамических рядов рождаемости и смертности (рис. 2).

В Крыму до 1929 г. рождаемость не менялась и находилась на уровне 25 тыс. чел. в год. В период 1930–1931 гг. рождаемость начала падать до уровня чуть более 18 тыс. чел. В современной демографии такое падение рождаемости связывают с коллективизацией, вызвавшей социальную нестабильность и падение уровня жизни⁴⁹. Однако коллективизация проходила на селе, а в Крыму сельское население было сравнимо с городским населением по численности⁵⁰, коллективизации в городах не было. Тренд же падения общий. Кроме того, смертность (которая должна расти при падении уровня жизни) до 1931 г. в Крыму не менялась, колеблясь в пределах чуть выше 11 тыс. чел. То есть в случае Крыма наиболее вероятные причины падения рождаемости были связаны с такими социальными преобразованиями, как эмансипация женщин, рост грамотности, распад религиозных семейных и социальных традиций в результате антирелигиозной пропаганды и легализация аборт⁵¹. Также, возможно, в крымских национальных районах традиционный уклад жизни держался гораздо дольше, что и обусловило такой плавный и замедленный демографический переход. И в 1932 г. рождаемость стала расти, что никак не соотносится с «голодомором» 1932 г. Упала рождаемость только в 1933–1934 гг., после чего скачком в 1935 г. вышла на уровень конца 1920-х гг.

Моделирование тренда рождаемости по данным динамического ряда оказалось неоднозначным, поскольку модель без учета 1932–1934 гг. при $R^2 = 0,98$ полностью совпала с графиком, т. е. демографических потерь от снижения рождаемости не отмечается, а ее падение в 1933–1934 гг. находится в общем тренде, обусловленном демографическим переходом. Менее «оптимистическая» модель при $R^2 = 0,92$ (рис. 2, пунктирная линия) дает падение рождаемости в 1933 и 1934 гг. на уровне 4 тыс. чел. за каждый год или 8 тыс. чел. суммарно. Вероятнее всего, это и будут максимальные потери от падения рождаемости при пессимистичном прогнозе. Пик смертности 1933 г. виден настолько четко, что не требует визуализации модели. В 1933 г. «избыточный» рост числа умерших составил порядка 6,5 тыс. чел., что несколько выше, чем оценка по динамике умерших в 1932–1933 гг. Скорее всего, это и будут максимальные прямые потери от голода 1933 г. и его последствий. Возможно, к ним нужно еще прибавить превышение смертности 1932 г., составившее около 1,5 тыс. чел. К этим потерям можно также прибавить 4,2 тыс. умерших в крымских городах мигрантов.

Таким образом, крымская система загсов в городах в целом справлялась с текущим учетом естественного движения населения, в том числе и приезжих мигрантов. Неполноты охвата или недоучета населения в городах по архивным документам не выявлено. Также не выявлено намеренного сокрытия смертей. Однако на селе загсы работали хуже, в результате чего 23 % населения в итоговую статистику рождаемости и смертности не попало. В связи с этим официальные показатели рождаемости и смертности в селах Крыма и естественный прирост сельского населения являются заниженными. По нашим оценкам, в селах Крыма родилось около 12,7 тыс. чел., а умерло — около 6 тыс. чел. Прирост сельского населения в Крыму составил порядка 6,7 тыс. чел. С учетом убыли в городах (около 6,5 тыс.) естественного прироста населения в Крыму в 1933 г. практически не наблюдалось (он был незначительный). Кроме этого установлено, что в итоговую статистику не попали около 4,2 тыс. умерших в Крыму мигрантов, вероятно, беженцев из Украины. Также в итоговый баланс населения не попали около 350 чел. рожденных детей мигрантов. Хотя все эти рождения и смерти были учтены и досчитаны на местах. В связи с этим обоснованными являются вопросы о полноте учета именно к ЦУНХУ СССР.

Для Крыма в 1933 г. характерна демографическая катастрофа городского населения, в первую очередь для республиканского центра Симферополя и приморских городов Ялты, Феодосии, Евпатории и Керчи. Демографической катастрофы на селе в Крыму не отмечается, хотя сельское население отчасти пострадало в первой половине 1933 г. При этом в Крыму региональные величины рождаемости и смертности не показывают ни геноцида, ни социцида (намеренного уничтожения социальных групп населения на селе), ни каких-либо спланированных действий по искусственному голоду. Рождаемость и смертность определялась исключительно местной спецификой.

Самые высокие пики смертности наблюдались в первой половине 1933 г. в городах, в сельской местности этот пик выражен слабо и период повышенной смертности был гораздо короче. По самым пессимистичным оценкам, потери

Крыма от падения рождаемости в 1933–1934 гг. составили около 8 тыс. чел., а от повышения смертности — 6,5 тыс. чел., преимущественно в городах. Возможно, к этому числу нужно еще прибавить около 1,5 тыс. повышенной смертности 1932 г., хотя данные динамики показывают, что эта смертность могла быть связана с сезонными болезнями.

¹ Кондрашин В. В.: 1) Голод 1932–1933 годов — общая трагедия народов СССР // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2009. № 11 (15). С. 117; 2) Голод 1932–1933 годов в современной российской и зарубежной историографии: взгляд из России // Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР. М., 2011. С. 8–57; 3) Современная российская историография голода 1932–1933 годов в СССР: к 85-летию общей трагедии народов Советского Союза // Веков неспешный ход: проблемы социально-экономической и политической истории России: сб. статей к 70-летию профессора В. Н. Никулина. Калининград, 2018. С. 307–318; Жиромская В. Б. Голод 1932–1933 годов в России и современные международные отношения // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. 2009. № 14. С. 93.

² Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Д. Население Советского Союза, 1922–1991 гг. М., 1993. С. 46.

³ Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов в Российской Федерации // Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР. С. 257–282.

⁴ Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т. / отв. ред. В. В. Кондрашин. Т. 2: Июль 1932 — июль 1933. М., 2012. 912 с.; Т. 3: Лето 1933–1934. М., 2013. 960 с.

⁵ Осокина Е. А. Жертвы голода 1933 года: сколько их? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) // История СССР. 1991. № 5. С. 19–20 (см. табл. 1–2).

⁶ Там же. С. 20.

⁷ Население России в XX веке: в 3 т. / отв. ред. Ю. А. Поляков. Т. 1. М., 2000. С. 265.

⁸ Там же. С. 268.

⁹ Жиромская В. Б. Голод 1932–1933 гг.: людские потери // Голод в СССР. 1929–1934. Т. 3: Лето 1933–1934. М., 2013. С. 664, 666.

¹⁰ Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода: сельское хозяйство СССР, 1931–1933. М., 2011. С. 422 (см. табл.).

¹¹ Уиткрофт С. Показатели демографического кризиса в период голода // Голод в СССР. 1929–1934. Т. 3. С. 749; Davies R. W., Wheatcroft S. G. The years of hunger: Soviet agriculture, 1931–1933. Registered excess deaths by regions, 1932–1933. URL: <https://warwick.ac.uk/fac/soc/economics/staff/mharrison/archive/hunger> (дата обращения: 12.04.2024).

¹² Davies R. W., Wheatcroft S. G. The years of hunger: Soviet agriculture, 1931–1933. URL: <https://warwick.ac.uk/fac/soc/economics/staff/mharrison/archive/hunger> (дата обращения: 12.04.2024).

¹³ Regional 1932–1933 famine losses: a comparative analysis of Ukraine and Russia / N. Levchuk, O. Wolowyna, O. Rudnytskyi, A. Kovbasiuk, N. Kulyk // Nationalities Papers. 2020. P. 3.

¹⁴ Там же. P. 6, 7 (см. fig. 2).

¹⁵ Там же. P. 4.

¹⁶ Там же. P. 5 (см. примеч. к табл.).

¹⁷ Население России в XX веке. Т. 1. С. 267.

¹⁸ Уиткрофт С. Показатели демографического кризиса в период голода // Голод в СССР... С. 724, 744–747.

¹⁹ Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 20. Д. 41. Л. 39; Оп. 329. Д. 28. Л. 120–121.

²⁰ Там же. Д. 18. Л. 99–99 об.

²¹ Там же. Оп. 329. Д. 16. Л. 9; Д. 18. Л. 47; Д. 19. Л. 9.

²² Там же. Д. 16. Л. 82, 87.

²³ Там же. Л. 14.

²⁴ Там же. Д. 256. Л. 21. Также см.: Голод в СССР. 1929–1934. Т. 3. С. 666.

- ²⁵ Уиткрофт С. Показатели демографического кризиса в период голода // Голод в СССР... С. 766.
- ²⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 28. Л. 120–121.
- ²⁷ Там же. Д. 18. Л. 99–99 об.
- ²⁸ Административно-территориальное деление Союза ССР (на 15 июля 1934 г.). М., 1934. С. 128–129.
- ²⁹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 28. Л. 120.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. Д. 18. Л. 99 об.
- ³² Там же. Д. 16. Л. 14.
- ³³ Осокина Е. А. Жертвы голода 1933 года: сколько их? С. 18–26.
- ³⁴ Назаренко Н. Н., Башкин А. В. Региональные особенности рождаемости и смертности населения Нижнего Поволжья в период голода 1932–1933 годов // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10, № 2. С. 198 (см. табл. 2–3).
- ³⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 18. Л. 99 — 99 об.
- ³⁶ Там же. Л. 99 об.
- ³⁷ Уиткрофт С. Показатели демографического кризиса в период голода // Голод в СССР... С. 721–722.
- ³⁸ Административно-территориальное деление Союза ССР (на 15 июля 1934 г.). С. 128–129.
- ³⁹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 28. Л. 121.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же. Д. 18. Л. 99 об.
- ⁴² Там же. Д. 28. Л. 121.
- ⁴³ Там же. Д. 16. Л. 14.
- ⁴⁴ Regional 1932–1933 famine losses: a comparative analysis of Ukraine and Russia. P. 1.
- ⁴⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 16. Л. 14.
- ⁴⁶ Там же. Д. 256. Л. 21. Также см.: Голод в СССР. 1929–1934. Т. 3. С. 666.
- ⁴⁷ Уиткрофт С. Показатели демографического кризиса в период голода // Голод в СССР... С. 724–726.
- ⁴⁸ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 18. Л. 99 об.
- ⁴⁹ Нефедов С. А. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. Тамбов, 2013. С. 58.
- ⁵⁰ Административно-территориальное деление Союза ССР (на 15 июля 1934 г.)... С. 128.
- ⁵¹ Нефедов С. А. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. С. 58–59.

Статья поступила в редакцию 16 декабря 2021 г.
Рекомендована к печати 10 октября 2023 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Назаренко Н. Н., Башкин А. В. Естественное движение населения в Крыму в период голода 1932–1933 годов // Новейшая история России. 2024. Т. 14, № 1. С. 73–88.
<https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.105>

Аннотация: В статье рассмотрена проблема оценки естественного движения населения в период голода 1932–1933 гг. в Крыму. Установлено, что здесь в 1933 г. был высокий уровень недоучета сельского населения, а в городах недоучет местного населения не выявлен. Также не выявлен высокий недоучет приезжего неместного населения, неместные и неизвестные умершие фиксировались на местах, и эти данные есть в отчете о естественном движении населения Крыма. Однако в большинстве сводных отчетов Центрального управления народно-хозяйственного учета указывается число родившихся без поправки на недоучет сельского населения, также не установлено попадание в баланс естественного движения населения неизвестных умерших — таким образом, выявлено занижение

в центральных сводных отчетных документах рождаемости, смертности и естественного прироста населения в Крыму. Установленная высокая доля умерших мигрантов в городах показывает, что мнение о миграционных ограничениях в условиях голода преувеличено. Установлено, что смертность городского населения Крыма значительно превышала смертность на селе, что опровергает мнение о единой централизованной политике социцида крестьянства голодом. Демографическая трагедия 1933 г. отмечается в приморских крымских городах и Симферополе. Показано отсутствие геноцида в Крыму в период голода 1932–1933 гг. Установлено, что высокая убыль городского населения Крыма была скомпенсирована естественным приростом в селах, но в целом в Крыму в 1933 г. естественный прирост населения был незначительный. По самым пессимистичным оценкам, потери Крыма от падения рождаемости в 1933–1934 гг. составили около 8 тыс. чел., а от повышения смертности — 6,5 тыс. чел., преимущественно в городах.

Ключевые слова: голод, 1930-е, рождаемость, смертность, население, демографические потери, Крым.

Авторы: Назаренко Н. Н. — д-р биол. наук, проф., Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет; Южно-Уральский государственный медицинский университет (Челябинск, Россия); 1000nnn@rambler.ru | Башкин А. В. — координатор, проект «Исторические материалы» (Москва, Россия); lost_empire@mail.ru

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Россия, 454074, Челябинск, ул. Бажова, 48

Южно-Уральский государственный медицинский университет, Россия, 454092, Челябинск, ул. Воровского, 64

Проект «Исторические материалы», Россия, 109052, Москва, ул. Нижегородская, 70

FOR CITATION

Nazarenko N. N., Bashkin A. V. 'Vital Statistics Analysis in the Crimea during the 1932–1933 Famine', *Modern History of Russia*, vol. 14, no. 1, 2024, pp. 73–88.
<https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.105> (In Russian)

Abstract: The problem of vital statistics estimation during the 1932–1933 famine in Crimean ASSR has considered in the paper. It has been ascertained, that high underestimates of rural population accounting and underrating birth rate, mortality and vital rate population data of rural population have occurred in 1933 year for the Crimea, the underestimates of urban population has not detected. The high underestimates of non-local resident population demographics and unknown persons mortality has not detected. The non-local residents and unknown persons were recorded on local level and these data are present in population vital statistics report of Crimea. But in most consolidated statistics reports of Central Department of National Economic Accounting of USSR has been specified unadjusted birth rate and mortality rural population underestimates, it has not been ascertained presence in vital statistics data about unknown persons too — thus it has been detected underrating of birth rate, mortality and natural growth of Crimean population in consolidated statistics reports. The ascertained high percentage mortality of migrants in urban areas has shown the overstatement opinion about executive migration restrictive practices during the 1932–1933 famine. The urban mortality has exceeded rural mortality in the Crimea considerably, that disclaiming opinion about centralized policy of sociocide peasantry by famine. The demographic tragedy has occurred in the seaside Crimean towns and Simferopol city. It has been demonstrated absence of or ethnocide (genocide) in the Crimea during the 1932–1933 famine. The high Crimean urban population loss has compensated by natural population increase in the rural area, but natural growth of population has been imperceptible. By the most pessimistic estimation the demographic losses of Crimean population in 1933–1934 from birth rate loss are about 8 thousand and 6.5 thousand — from mortality exceeding, in urban area mainly.

Keywords: famine, 1930s, birth rate, mortality, population, Crimea.

Authors: Nazarenko N. N. — Dr. Sci. in Biology, Professor, South Ural State Humanitarian Pedagogical University; South Ural State Medical University (Chelyabinsk, Russia); 1000nnn@rambler.ru | *Bashkin A. V.* — Coordinator, Project “Historical Materials” (Moscow, Russia); lost_empire@mail.ru

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, 48, ul. Bazhova, Chelyabinsk, 454074, Russia

South Ural State Medical University, 64, ul. Vorovskogo, Chelyabinsk, 454092, Russia

Project “Historical Materials”, 70, ul. Nizhegorodskaya, Moscow, 109052, Russia

References:

Andreev E. M., Darsky L. E., Khar'kova T. L. *Population of the Soviet Union: 1922–1991*. (Moscow, 1993). (In Russian)

Davies R. W., Wheatcroft S. G. *The Years of hunger: Soviet agriculture, 1931–1933* (Moscow, 2011). (Rus. Ed.). *Famine in the USSR. 1929–1934. Documents*, vol. 2: July 1932 — July 1933, ed. by V. V. Kondrashin (Moscow, 2012). (In Russian)

Famine in the USSR. 1929–1934. Documents, vol. 3: Summer 1933–1934, ed. by V. V. Kondrashin (Moscow, 2013). (In Russian)

Kondrashin V. V. 'Modern Russian historiography of the famine of 1932–1933 in the USSR: to the 85th anniversary of the common tragedy of the peoples of the Soviet Union' in *Vekov nespeshnyi khod: problemy sotsial'no-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii Rossii: sbornik statei k 70-letiiu professora V. N. Nikulina* (Kaliningrad, 2018). (In Russian)

Kondrashin V. V. 'Famine 1932–1933 — the general tragedy folk USSR', *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V. G. Belinskogo*, no. 11 (15), 2009. (In Russian)

Kondrashin V. V. 'The Famine of 1932–1933 in modern Russian and foreign historiography: A view from Russia' in *Sovremennaiia rossiisko-ukrainskaia istoriografiia goloda 1932–1933 gg. v SSSR* (Moscow, 2011). (In Russian)

Levchuk N., Wolowyna O., Rudnytskyi O., Kovbasiuk A., Kulyk N. 'Regional 1932–1933 famine losses: a comparative analysis of Ukraine and Russia' in *Nationalities Papers*, 2020. <https://doi.org/10.1017/nps.2019.55>

Nazarenko N. N., Bashkin A. V. 'Regional features of birth rate and mortality in the Lower Volga region in the famine of 1932–1933s', *Samarskii nauchnyi vestnik*, vol. 10, no. 2, 2021. <https://doi.org/10.17816/snv2021102210> (In Russian)

Nefedov S. A. *Agrarian and demographic results of Stalin's collectivization* (Tambov, 2013) (In Russian)

Osokina E. A. 'Victims of the famine of 1933: how many of them? (Analysis of demographic statistics of the CGANH USSR)', *Istoriia SSSR*, no. 5, 1991. (In Russian)

Population of Russia in XX century, ed. by Yu. A. Polijakov, vol. 1. (Moscow, 2000). (In Russian)

Wheatcroft S. G. 'Indicators of the demographic crisis in the period of famine' in *Famine in the USSR. 1929–1934. Documents*, vol. 3: Summer 1933–1934, ed. by V. V. Kondrashin (Moscow, 2013). (In Russian)

Zhiromskaya V. B. 'Famine of 1932–1933 in Russia and the contemporary international relations', *RGGU Bulletin. Ser. Politologiya. Istoriia. Mezhdunarodnye otnosheniia*, no. 14, 2009. (In Russian)

Zhiromskaya V. B. 'Famine of 1932–1933: Human losses' in *Famine in the USSR. 1929–1934. Documents*, vol. 3. Summer 1933–1934, ed. by V. V. Kondrashin (Moscow, 2013). (In Russian)

Received: December 16, 2021

Accepted: October 10, 2023